

Горячие денечки мастера

Юбилей. Кто причастен к нему? Конечно, сам юбиляр, его родные, друзья, коллеги. Но если это дата в жизни художника кино, то причастным ощущает себя едва ли не каждый. Действительно, кого оставили равнодушными фильмы Иосифа Ефимовича Хейфица, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР, народного артиста СССР, 80-летие которого мы празднуем в эти дни?

Юбилей — это всегда повод для поздравлений. И для воспоминаний. Именно поэтому сегодня мы публикуем «открытое письмо» Алексея Баталова своему первому кинорежиссеру и небольшой фрагмент из книги «Воспоминания о „Депутате Балтики“», которая готовится сейчас к печати в Ленинградском отделении издательства «Искусство». Автор ее М. Г. Серебряков, кинооператор, соратник режиссеров А. Зархи и И. Хейфица на их

первых пяти фильмах. Он снимал «Ветер в лицо», «Полдень», «Моя Родина», «Горячие денечки». Снял и легендарного «Депутата Балтики» — картину, вошедшую в золотой фонд советского кино. Думается, нашим читателям будет небезынтересно узнать, как она начиналась. С особым удовольствием мы помещаем сегодня этот отрывок еще и потому, что ровно через месяц Михаил Григорьевич также отметит свое 80-летие.

Радость творчества

Трудно даже представить, как бы могла сложиться моя биография, если из нее исключить имя Иосифа Ефимовича Хейфица. Впервые на режиссерском кресле позади киноаппарата я увидел его более тридцати лет назад — шла проба для «Большой семьи». С тех пор множество раз моя актерская судьба поворачивала в разные стороны, но время работы с Хейфицем стоит особняком и всегда остается живым, потому что там — начало всему, с чем потом мне приходилось сталкиваться в

кино. Судьба молодого актера в огромной степени зависит от того, к кому он попадет впервые. Вряд ли те, кто говорит, что мне повезло, знают, насколько мне повезло...

Хейфиц «открыл» для кинематографа не только молодых, но и многих взрослых, опытных актеров. Кроме всех своих званий, у нас в актерской среде он носил еще одно звание — высокое и редкое по нынешним временам — звание актерского режиссера. Я знаю, что изменить этому он уже не сможет, и потому сегодня хо-

чу поблагодарить его за всех, кому он подарил радость творчества. И за всех, кому еще доведется с ним работать в новых современных и классических фильмах, о замыслах которых я давно знаю, но по скромности и скрытности Хейфица не могу говорить заранее. Всей душой желаю, чтобы они принесли ему радость — творческую и просто человеческую.

С днем рождения Вас, дорогой Иосиф Ефимович!

Всегда Ваш
Алексей БАТАЛОВ

В это утро Николай Черкасов в приподнятом настроении и слегка взволнованный пришел на студию рано. Мы впервые увидели Полежаева — Черкасова не только в полном гриме, но и «вмонтированного» в естественную обстановку, в свой рабочий кабинет. Мы все окружили артиста и с придирчивостью осматривали его с головы до ног. С гримом все было в порядке. Если отойти метра на три — старик и старик.

Черкасов облачается в свою кофту — нечто среднее между джемпером и фуфайкой. Сразу получается сугубо домашний вид. Может быть, несколько «затрапезный»? Вель все же профессор, доктор наук? Хейфиц — ведущий, смотрит на слегка сгорбившуюся фигуру профессора в женской кофте с сосредоточенным видом. Зархи — с оттенком сомнения. Дело серьезное: ведь сегодня, сейчас будем снимать начало эпизода, и если экран покажет, что с кофтой что-то «не получается», то все надо будет переснимать.

Зархи и Хейфиц смотрят друг на друга и безмолвно решают: «Будем снимать в кофте!».

— «Молодцы!», — мелькает у меня в голове.

Черкасов, улыбаясь, обводит окружающих вопросительным взглядом, затем, по-полежаевски, чуть скособолился и пошел в глубь кабинета. Остановился возле дальнего окна, постоял немного. Подходит к знаменитой игровой «мантии Ньютона», олетой на манекен у двери. Постоял, посмотрел как-то критически, провел ладонью по шелку широкого атласного

воротника. Затем идет к письменному столу, садится, и... все сразу принимает естественный домашний вид. Он по-старчески откашлялся, пожевал губами и углубился в свои бумаги.

В сценарии «Беспокойная старость» записано: «За столом прямо против вошедших — Полежаев... Его рука спешно дописывает страницу... Он

подобного повседневного представления о работе ученого?»

Зархи и Хейфиц тихо переговариваются между собой. Вывести профессора из-за стола? Поставить его, погруженного в книгу, в глубине комнаты? Но это было бы возможно, если бы из окна лился свет осеннего дня... Но за окном ведь — темнота. Рас-

Михаил СЕРЕБРЯКОВ

Профессор Полежаев ВХОДИТ в кадр

знает, что раскрыта дверь, но не поднимает головы».

Приступая к съемке «кабинета», группе в производственном отношении удобнее было бы начинать сцену именно с такого общего плана. Профессор за столом занят своей работой. В глубине раскрывается дверь, входит Мария Александровна с лампой в руке, за нею — красногвардейский патруль. В кадре виден весь кабинет, книжные шкафы по стенам, окно в глубине, кожаное кресла — зритель сразу воспринимает место будущего действия.

Но такое, обычное, решение эпизода режиссеров не устраивало. Сколько раз показывали в кино ученых за письменным столом? Не будет ли такой подход слишком стереотипным? Может быть, придумать что-либо другое, отличающееся от

положить его около одного из книжных шкафов, возвышающихся до потолка? Мы и с той, и с другой стороны прикидывали точки у шкафа, все что-то не получалось, фигура человека около пестрой стопки книг «пропадала», казалась невыразительной. Режиссерам хотелось получить более выпуклое впечатление.

А что если посадить его на ступеньку стремянки, стоящей тут же, около одного из шкафов? Однозначно — естественно и непринужденно. И вполне допустимо... Полежаев, крахтя, неторопливо пристраивается на ступеньке лесенки, берет в руки книгу. Хорошо! Минутку... Хейфиц соображает. А если посадить профессора не на нижнюю ступеньку, а, наоборот, на верхнюю? Ведь поднимается иногда почтенный старец в поисках необходимой

книгами, ведь сидеть неудобно. Отлично! Клетчатый плед ему на плечи. Так... Теперь отвернись от нас, чтоб в первый момент и не понять, что там сидит человек!»

Начинается сцена знакомства ученого с боевым революционным матросом. Поиски верного поведения двух людей, различных по широте духовной жизни, характеру, повседневной деятельности. Но с самого начала у этих двух столь различных людей оказался один пункт, который их связывает. И делает союзниками на все последующее время. Это глубокая вера в торжество рабочего дела. В революцию...

Зархи и Хейфиц осторожно и настойчиво ищут оттенки отношений между двумя этими людьми. Как и всегда, предварительные репетиции, и до-

вольно тщательные, дали очень много к прояснению эпизода. Но далеко не все! Конкретная мизансцена, окончательная отработка реплик, наконец, точная игра перед аппаратом — все это режиссерам и актеру приходится скрупулезно выверять заново.

Нужно сказать, что Николай Черкасов с самого начала показал свою великую творческую заинтересованность в создании образа, который он начинает сейчас облекать в плоть и кровь. Находясь рядом с режиссерами на съемочной площадке, я ощущаю эту «наполненность» артиста, его всепоглощающее стремление постичь мир профессора Полежаева. Режиссеры и все находящиеся на съемке представители различных цехов, ассистенты, гримеры, осветители с живым интересом наблюдают за необычным, живым и непосредственным поведением знакомого всем артиста.

Я смотрю на режиссеров — моментами сосредоточенное внимание, с которым они следят за поведением Черкасова — Полежаева, сменяется на их лицах непосредственной улыбкой удовольствия. Но Черкасов уже никого не замечает вокруг, он продолжает неустанно искать все новые оттенки поведения, характер мимики, движений... Если найденные оттенки, даже весьма рискованные, работали на образ, то они тут же принимались, если нет — продолжались поиски... Все понимали, что именно сейчас, в первых кадрах, рождаются черты образа Полежаева, которые должны быть развиты в дальнейших сценах.